

ЛОБАНОВСКАЯ ТВЕРДЬ

Василий Васильевич Киляков родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал электриком. Служил в армии, работал фельдъегерем, начальником отдела Спецсвязи, в Росгвардии. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Наши современники», «Молодая гвардия», «День и Ночь», «Гостинный Дворь», «Подъём», «Юность», «Немига литературная» (Беларусь), «Простор» (Казахстан) и др., в газетах «Литературная газета», «День литературы». Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), имени Б.Н. Полевого (1996), «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин), журнала «Наши современники» (2020), «Югра» (2020), имени Н.С. Лескова (2021), имени В.Т. Станцева (2021), Всероссийского поэтического конкурса имени С. Есенина Союза писателей России (2022). Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Памяти М.П. Лобанова (1925–2016) – писателя, участника Курской битвы (стрелка), кавалера боевых орденов, выдающегося русского критика и мыслителя, профессора Литературного института им. А.М. Горького с 50-летним стажем, великого патриота России

Михаил Лобанов. Выступление на VII съезде Союза писателей РСФСР («Литературная Россия». 28.12.1990. № 52 (1456)): «Я не думал выступать на съезде, но, видимо, будет невежливо, если я не скажу несколько слов по поводу одного выступления. Я имею в виду выступление Сергея Владимировича Михалкова. Здесь, на съезде, он принёс мне извинения за своё выступление на Секретариате Союза писателей РСФСР в феврале 1983 года, когда после решения Секретариата ЦК КПСС подверглась разному моя статья «Освобождение» в журнале

«Волга». Мне хотелось бы услышать от Секретариата СП и извинения перед Николаем Егоровичем Палькиным, снятым тогда же с поста главного редактора «Волги» за публикацию моей статьи. Тем не менее извинения Сергея Владимировича — своеобразный аристократизм на фоне литературно-критического плебейства многих участников того судилища. В нём тогда активно участвовали товарищи Друнина, Шундик, Поволяев и другие (за исключением Юрия Бондарева). Особенно усердствовал Валерий Дементьев, секретарь СП РСФСР, не испытывающий ныне никаких моральных неудобств.

Можно понять Сергея Михалкова, который под давлением цеховского начальства в лице Альберта Беляева делал то, что от него требовали. Но Валерий Дементьев мало того, что на Секретариате задавал в качестве докладчика тон обвинительному разговору (смотрите стенографический отчёт в журнале «Кубань», № 10 за 1990 год), но уже и после этого, без всякой, так сказать, необходимости, преследовал доносами автора статьи, не раз выступая в Литинституте, кроме того, в Госкомиздате РСФСР, в редакции журнала «Октябрь», в издательстве «Советская Россия» и т. д.

История с «Волгой» поучительна в национальном отношении.

Характерно, что большинство громящих «Волгу» за мою статью — русские, полтора десятка секретарей СП, лауреатов. Альберт Беляев слушал их и потирал руки от удовольствия: вот русские дураки, — бьют своего, лежачего. Это не в диковинку. Этим методом пользовались, пользуются политики. Ленин составил своё сверхсекретное письмо членам Политбюро по изъятию церковных ценностей, призывая к беспощадной расправе над священнослужителями, к их массовому расстрелу и возлагая исполнение всего этого на Троцкого, вместе с тем он предупреждал, чтобы в печати имя Троцкого нигде не упоминалось, а чтобы фигурировало имя Калинина. Михаил Иванович как стилизованный крестьянин больше подходил для этой цели: как же, ведь говорит с народом свой брат, русский. Хотя у самого Калинина отношение к церкви было не столь оголтелое, как у Ленина, даже довольно примирительное, но порученное ему бесовское дело он тем не менее выполнял рабски.

Сейчас левые радикалы испытывают явное затруднение, растёт всё большее недоверие к ним, разваливающим страну, и поэтому они пытаются использовать русских, и те идут на это. Создан, например, Советский фонд милосердия, его президентом стал А.Н. Яковлев. Милосердное

дело отдаётся в руки человеку с известной репутацией. В вышедшем первом номере журнала этого фонда «Согласие» приведён список редакционно-издательского совета. Среди множества левых радикалов пара фамилий русских писателей, известных читателям, телезрителям своей земледельческой, милосердной тематикой. И вот, читая, слушая этих авторов, причисленных к яковлевскому фонду, люди поверят, что Яковлев — самый милосердный в стране человек. Я не могу представить подписи какого-нибудь левого радикала вместе с подписями, скажем, руководителей «Памяти». Почему же мы, русские, так податливы на соглашательство?

Впрочем, эта проблема — проблема национальной самокритики — для отдельного серьёзного разговора». (См. также об этом, например, о так называемой «Римской встрече» писателей, в которой участвовали, с одной стороны, иные наши «деревенщички», с другой стороны — «демократы», живущие у нас и за рубежом, из «третьей волны», подписавшие совместное «Римское обращение», статью М.П. Лобанова «Слепота» (впервые — «Наш современник», 1991, № 11) в кн. «Великая победа и великое поражение» (М., 2000, с. 36); «Твердыня духа» (М., Ин-т русской цивилизации, 2010, с. 719, 994) — Прим. В.К.).

Помню, как в 90-е взял в руки подшивку газет, стал перебирать вырезки и заготовки, вдруг ударило-напомнило: отзыв на публикацию нашумевшей статьи «Просвещённое мещанство» М.П. Лобанова. Статья «Просвещённое мещанство» была опубликована в «Молодой гвардии» (№ 4, 1968) при главном редакторе А.В. Никонове. Вот что говорит М.П.Л.: «Знаменитые шестидесятые обычно ассоциируются с диссидентами. Но подспудно шли другие процессы, в атмосфере скапливались заряды, которые впоследствии сыграли роль в судьбе нашей страны. Я писал о симптомах духовного кризиса, о «заражённой мещанством дипломированной массе», о разрыве между официальной партийной фразеологией и действительностью, об опасности американизма. Это вызвало бурную реакцию. В «Новом мире» появилась статья А.Г. Дементьева «О традициях и новаторстве», в которой он обвинил меня в извращении марксизма-ленинизма. Другая известная статья — «Против антиисторизма» А.Н. Яковлева («ЛГ», № 46, 1972) с обильными ссылками на классиков марксизма — обвиняла меня во внеклассовости и внесоциальности».

Тридцать лет тому назад — травля его, фронтовика, за эти статьи А.Н. Яковлевым и другими интернационалистами, коих

имена нет желания упоминать (все — чиновники, обласканные на самом «высоком» уровне), в сущности, всё теми же завзятыми «партийцами», верными ленинцами, переметнувшимися тотчас при первой возможности... к демократам-западникам. Затем знаменитое лобановское «Освобождение» в 1982 году, и вновь такое возмущение, такой крик. Прослушка на телефон, «разбирательство» от имени самого Ю.В. Андропова, осуждающее решение ЦК КПСС... «В статье Лобанова впервые в русской публицистике осмысливались масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Как писал современник, «эффект от статьи был ошеломляющим — словно в хорошо прогретое солнце болотце вдруг плашмя упала откуда-то с неба огромная каменная глыба». Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК КПСС» (Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917—2004. Учебное пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 586).

Из книги «Твердыня духа» Лобанова (с. 977): «Приводя ряд цитат из той же статьи, Солженицын заключает: "В 20—30-е годы авторов таких статей сейчас бы сунули в ГПУ да вскоре и расстреляли"». Однако то были уже другие годы, другое время, и другой была страна —равили в ней русских патриотов не

столько КГБ, сколько литературная сионистская банда, засевшие в ЦК русофобы, агенты влияния, которые потом сделались «демократами» и цинично признавались, что сознательно подтачивали изнутри «тоталитарное государство». По поговорке «у страха глаза велики» среагировал на «Просвещённое мещанство» бывший до эмиграции работником комсомольского журнала в Москве профессор Нью-Йоркского университета и идейный русофоб А. Янов. В своей книге «Русская идея и 2000 год» (Нью-Йорк, 1988) он пишет: «Даже на кухнях говорили об этой статье шёпотом...» и «...сказать, что появление статьи Лобанова в легальной прессе, да ещё во влиятельной и популярной «Молодой гвардии» было явлением удивительным, значит сказать очень мало. Оно было явлением потрясающим». Янов продолжает: «Злость, яд и гнев, которые советская пресса обычно изливала на «империализм» или подобные ему «внешние» сюжеты, на этот раз были направлены внутрь. Лобанов неожиданно обнаружил червоточину в самом сердце первого в мире социалистического государства, причём в разгар его триумфального перехода к коммунизму. [...] Язва эта состоит, оказывается в «духовном вырождении» образованного человека... [...] Лобанов... переносит центр мировой

драмы из сферы борьбы социализма и капитализма в метафизическую сферу противостояния «духов»... предсказывает он, что в грядущем смертельном конфликте «рано или поздно столкнутся меж собой эти две непримиримые силы», названные им «нравственной самобытностью» и «американизмом духа». В отличие от ВСХСОНа, Лобанов верит в потенциал советского режима...

Результат такой веры: безудержная травля, запрет на «патриархальщину», на выезды даже... по Золотому кольцу» (см. в кн.: Лобанов М.П. В сражении и любви. М., 2003). При советских прогрессистах за «патриархальщину» пороли, при «демлибералах» его окрестили «красно-коричневым» и вновь взялись за травлю. И при всём при том — ни одного виноватого, покаявшегося до сих пор. Никого не назначили ответить за совершённое (за злословие, сплетни и клевету).

...А вот пример, внешне схожий, казалось бы, но иной по существу. «Подписантами» документа, осуждающего Б. Пастернака за публикацию «Доктора Живаго» и принуждающего к отказу от премии, назначенной шведским Нобелевским комитетом 23 октября 1958 года, были и В. Шкловский, и В. Солоухин, Л. Ошанин, Б. Полевой, другие весьма достойные люди...

Много говорят и пишут и по сей день о «шквале» критики «извинов» писаний Б.Л. (и особенно много публикаций антисоветских именно с «перестройки». И какая же беспощадная атака на тех, кто осудил сей «роман» за публикацию его в Италии, Великобритании — без всякого согласования вопроса с СП России). Но вот о том, какая волна накатилась на тех, кто считал роман позорным и слабым, как пострадали они, не говорят ни слова. А почему, собственно?

На не согласных с Пастернаком и антисоветчиками времён 60-х, вознёсшими «гениальность» прозаика Пастернака до небес, тоже была атака, и немалая. Ясно, что публикация на Западе сего сомнительных достоинств романа озлобила и чиновников, и цензоров, сузила возможности самовыражения многих и многих писателей. И к тому же разве не каждый имеет право на собственное мнение? Надо сознаться прямо, что достоинства романа, признанного в пору «перестройки» восхитительным, несравненным и проч., — если говорить начистоту — всё же в художественном отношении весьма невелики. И если снять политическую составляющую, то очевидно (особенно сегодня, когда надобность поддеть мелкого чиновника за сытую жизнь отпала, когда каждому понятно, что жизнь в достатке и неге чиновников от социализма — ничто по

сравнению с благоденствием чиновников нынешних): остаётся на поверку и вовсе немного достоинств. Ясно не только по «востребованности»: «роман» слаб, не выстроен, не нов в решении поставленных задач, рыхлый по архитектонике. Не запоминается, даже и не волнует, за исключением редких страниц, ничем, пожалуй, единственно разве врезающимися и чужеродными прозе стихотворениями. «Лауреатом Нобелевской премии против коммунизма» назвал Пастернака поэт, фронтовик Б. Слуцкий. «Оглядчивый» (по замечанию Д. Самойлова), встроенный в некие тайные структуры, прыткий хитрован Е. Евтушенко не явился на заседание по «осуждению». И вот, думается, какой напор был на того же влиятельного Б. Слуцкого, что он через некоторое время стал сторониться эстрадных выступлений и даже вынужден был оправдываться перед тем же Бродским: «Я был тогда на трибуне всего две с половиной минуты...»

И постоянное (даже и сегодня) упоминание литераторов, не принявших поэта Пастернака как состоявшегося романиста. Их фамилии (К. Федин, С. Михалков и другие) в дурном контексте, особенно-то как раз сегодня, в годы победившего всё и вся, включая и здравый смысл, либерализма, с «выламыванием рук» именно русским писателям,

которые не «нашлись», не пристроились к новой реальности, к рекрутам «демократии», импортированной нам через М. Горбачёва, А. Яковлева и прочих «архитекторов». Этично ли, пристойно ли это?

Итак, собственно, с того и начиналась «перестройка», и символично: 19 февраля 1987 года Союз писателей СССР отменил решение об исключении из организации поэта Бориса Пастернака. В начале 1988 года в январском номере журнала «Новый мир» впервые в Советском Союзе началась публикация романа «Доктор Живаго». И до апреля 1988 года «Новый мир» опубликовал весь авторский текст романа, предварив его предисловием Д.С. Лихачёва. В июне того же года опубликовал журнал и развёрнутую статью о зарождении замысла и истории создания романа. Летом 1988 года был выписан диплом Нобелевской премии Пастернака и послан в Москву наследникам через его младшего друга, поэта Андрея Вознесенского, приехавшего в Стокгольм. 9 декабря 1989 года медаль Нобелевского лауреата была вручена в Стокгольме сыну поэта — Евгению Пастернаку. С 1989 года произведения Пастернака включены в школьную программу по литературе. Именно А.А. Вознесенский председательствовал в комиссии по литературному наследию пи-

сателя-поэта. «Московские новости» 7 марта 1987 года сообщали о знаменательном событии, что 19 февраля состоялось заседание Секретариата Союза писателей СССР, на котором было отменено решение, по которому в 1958 году Пастернак был исключён общим голосованием из Союза писателей. И уже за неделю до этого Комиссия по литературному наследию поэта обратилась в Секретариат с предложением, которое состояло из 14 пунктов, касающихся судьбы поэта и его произведений. Основным и главным, первым пунктом была отмена решения об исключении из Союза Бориса Пастернака, *великого поэта*, одного из активных организаторов Первого съезда писателей. Требование предполагало незамедлительное решение Секретариата — как наглядный и весьма значимый пример в подтверждение вполне успешного «процесса» и «ускорения» — главное, векторно, «духовно» противонаправленное решению бывшему, от 1958 года (как показатель в целом произошедшей и свершившейся уже вполне «перестройки», именно и в первую очередь начавшейся «с самого верха», а именно от так называемой интеллигенции, — как показатель вполне ознаменованной победы «апрелевцев», демократов и либералов, и не где-нибудь, а именно в Союзе писателей как самой представительной

и влиятельной на ту пору в сфере культуры организации).

На момент обжалования той давней реляции от 1958 года на этот раз споров не было, конечно, и на заседании Секретариата в стиле победного заключения сообщалось в основном о нравственном аспекте происходящего. (В том же амширном конференц-зале, где 30 лет назад был исключён из Союза Б.Л. Пастернак, опять-таки символически и собиралась Комиссия по наследию его). И вновь недоумения: как могло такое произойти, эта вопиющая несправедливость с исключением. В дебатах комиссии «звучала боль» за судьбы литературы. Это единственный в своём роде «вопиющий пример» попрания истины и гласности, ведь ничего «антисоветского» в романе нет, разглядит любой. Слушая рассказы выступавших, едва ли не все, знавшие Пастернака, как бы заново пережили ужас тех дней. Их заставили пережить заново всё, что было, только теперь наизнанку — как бы в другую плоскость, безусловную победу их стороны (что не менее страшно). Так в чём же дело, отчего такой бешеный поиск правды, отчего случилось цунами по имени Пастернак, или это единственный пример вопиющей несправедливости по отношению к писателям вообще?

...В романе мы видим непростую историю человека *Живаго*,

то есть живого, причём получается, как бы одного живого даже из немногих, исключительных, доброго сердца — среди многих и многих обитателей всей огромной, то грубо снежной, то мокрой от полых вод неуютной страны, населённой едва ли не одними лишь варварами. Утешаемый этот Живаго — он, быть может, даже и из рода самих Абарбанелей, то есть ветви Давидовой (как полагают «посвящённые» в тему и как пишут в исследованиях о самом Б. Пастернаке и его отце, тоже необычайно талантливом человеке, художнике). И вот он, этот прекрасный и прекраснодушный Живаго-человек, мучимый властями, многоударённый, богатый и талантами, и богатейшими родственниками, с кристально чистой душой, ко всем прочим преимуществам — врач, представитель благороднейшей профессии, по устремлениям — поэт. Всей жизнью своей он, «альтер эго» автора, теряет всё, кроме чести. Притесняемы и любовь его — жена Антонина Громеко, и друг его Миша Гордон, который с детства чувствует, что его едва ли не все не любят по непонятной для него причине (читателю-то вполне понятной, впрочем), и он же, лучший друг Юрия Андреевича, тоже ведаёт, за что его не любят, и ратует всё-таки, несмотря ни на что, за растворение малой, но великой нации — в большой. Все

названные и образованные умники (конечно, лица избранные), они — наследники и прочее. И всем им, как и Мише Гордону, «насквозь были ясны пружины их пафоса, шаткость их участия, механизм их рассуждений».

...Роман, по сути, направлен всё-таки вовсе не на призыв к растворению избранных в массе, а, напротив, призывает во избежание гибели таких «живых Живаго» к объединению не с массами непонятного большинства, а только и исключительно со своими и себе подобными. Произведение направлено, как ни странно покажется одно из существующих мнений, на единение совсем иного свойства, в духе и в понимании Гехалуц, и не оттого ли ценность роман имеет для разных «граждан мира» именно символическую и оттого необычайную. Можно припомнить к тому же, что напечатано и приурочено произведение писателем (по замыслу) к тому же 1958 году, когда отметило юбилей (десять лет) государство, созданное в 1948-м. И государство это ждало, и ждёт до сих пор, и собирает до сих пор избранных, молодых, талантливых — всех под своё единое крыло (что, в общем-то, неплохо и может когда-то послужить примером и большому народу, чтобы не было сказано и в нашу сторону: «Се, оставляется вам дом ваш пуст...»). И одновременно в ту же пору, кстати,

исполнилось сорок лет движению Гехалуц. И понятнее тогда предположение: не единственное ли спасение бедняге Юрию Живаго, чтобы уцелеть, — присоединиться к подобному объединению молодых избранников, коих так настойчиво и собирало это течение как раз в конце 1950-х.

...С первого взгляда судьба Юрия Живаго — всего лишь одна из судеб, которая не поднимается выше неких фактов биографии, и только. Роман тяжёл, каменно неподатлив. Смерть Живаго, несомненно, натянута и притянута. Страдает главный герой, страдают из-за «героя» (Антонина Живаго, Павел Антипов). Сей роман, на первый взгляд, зауряден, невыразителен, часто просто скучен и, наконец, непримечателен (но только для непосвящённых и если не знать о многоцелевом его написании). В самом деле, толстая книга настолько слаба, сера, откровенно говоря, бессобытийна, что и сам Б.Л. Пастернак (поэт, несомненно, талантливый), понимая, видимо, свои просчёты, не нашёл ничего лучше, как подкрепить это своё детище лучшими своими стихами.

Даже и после того, как все те, кто осудили «роман» «Доктор Живаго», давно укрылись «пеленой земляной» и «зарыты в шар земной», им и сегодня, когда 60 лет прошло со дня публикации романа, им, противникам

романа, «протестантам», так и не пожелавшим понять, на что они покушаются, — не забыли им всем обиду, не простили их эти уверенные в своей избранности интеллектуалы.

Их имена и фамилии не сходят со страниц, где восхваляют Пастернака и тревожат память «ругателей» (упрёками, даже и заслуженными, впрочем, вроде «не читал, но осудил», хоть упрекать, скорее, можно по формулировке «читал, но не понял»). Им не прощается (и не простится никогда) нанятой влиятельной и не только литературной, похоже, клакой, которая как раз сама-то вряд ли прочитала роман. Им не прощают «кощунственного» несогласия с самой идеей избранничества «докторов Живаго». Но ведь осуждала-то не клака. Писатели, причём самого первого ряда, приложили голоса к исключению из СП СССР Бориса Леонидовича. Значит, не прощается им их собственное мнение. Какая же тут демократия и о каком же тогда «либерализме» и толерантности идёт речь? Случай по мстительности и злопамятству беспрецедентный, причём огульный. Удивительно, а всё же решительные с 1988 года общие «шаги», «акты», «выпады» против не понявших и осудивших роман — и осуждения эти (не в стиле ли «бей своих, чтобы чужие боялись»?!) на удивление согласованы именно

либеральной общагой. «Апрелевской» и «метропольской» тусовкой, некогда теснимой и, наконец, взявшей «свои права» под эгидой идеологов «перемоги» против «великорусского шовинизма» (в худших традициях ленинского декрета СНК от 25 июля 1918 года). Так что же за погром случился через семьдесят лет «в обратку»? Бей своих «братьев»-писателей, бей «товарищей по цеху», чтобы голосовали так, как диктует некое победившее здравый рассудок лобби. Причём, говоря словами известного меченого партаппаратчика, по сути приведшего к расколу и партию, и страну, и к междоусобным браням, — с провозглашения «перестройки» началась травля именно русских писателей не только в масштабе страны, а и в «общем глобальном масштабе». Между тем, как говорил один из этих постоянно травимых, самых стойких наших почвенников, «и у Б.Л. Пастернака могли бы поучиться его поклонники (часто мнимые) — не только культуре его стиха, но и культуре духовной, исторической, знанию истории России и того, между прочим, что "позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех"» (М.П. Лобанов, статья «История и её литературные варианты». — «Молодая гвардия», 1988, № 3. См. в кн.: «Твердыня духа», с. 593).

И, казалось бы, за что это битьё товарищей «по литера-

турному цеху»? Ведь и впрямь: если голосовали в 58-м именно так, как партия указывала, и колебались только с линией партии... Тогда не казус ли, что в 88-м то же самое и получилось на поверку, именно того и добились гуртовым покаянием писателей, того же принуждённого единодушия, против чего и восставали. В чём обвиняли литераторов СССР тогда, при Хрущёве, и то, что ставили им в вину как первейшую несамостоятельность, этим «ругателям по общественной цензуре от партаппарата ЦК», — вдруг позже, в 88-м, показалось тотчас в противовес прежним решениям не только не «уголовщиной», а установлением самой истины. И принято опять-таки большинством, всей «метрополией апрелевцев», внезапно обретшей великую силу и поддержку от «архитекторов перестройки». И вот уже теперь их мнение, противоположное прежнему (от 58-го года) решение, теперь вдруг и неоспоримо, и значительно, и не подлежит никакому сомнению. И вот вопрос: тогда чем же отличается нынешняя «демократия», пришедшая к нам с перестройкой, от прежней, от обвиняемой теперь (в том числе и по задумке указанного романа), доставшейся от «партократии»? «С чем боролись, на то и напоролись». И это не частный и исключительный случай, этот противовес прежним решениям «назло» будет преследовать десятилетия, да

что там, даже А.Т. Твардовского — и того обвинят в потворстве власти, отречении от отца, от младшего брата и т. д. Говорю о пастернаковской истории в данном контексте как о случае и исключительном, и одновременно типическом, потому что тень «перемоги» писателей-патриотов и стремление наказать их упадёт на всю последующую литературную жизнь, и темень от этой «тени» приготовленных розг перекоцует и в нынешний день. Получается, что «либерально-демократический» концлагерь, в который загнали народ с 1988-го, того самого года, когда А. Вознесенский и иже с ним показали, где раки зимуют, и, похоже, поспешение и успех одних имеет как бы две неодинаковые стороны одной и той же медали. Одинаковые и гравировкой, и литъём, и рисунком, и насечкой — всем — две противоположные, казалось бы, стороны совершенно тождественны, конгруэнтны... Разве не повод всем нам задуматься о происходящем?

Так что, если взять за неоспоримую истину именно то, к чему принуждают нас теперь сторонники романиста-поэта, получается, что они обвиняют своих «недоброжелателей» в том, что вытребовали не от читателя, а от заказного «оценщика». Но ведь это абсурд. Образована теперь как бы иная партия, ветер подул в другую сторону — и вот теперь

вновь требуют не собственного мнения, а опять-таки строгой подчинённости, только в других (минусовых) координатах. Так в чём же в таком случае негодна была, неприемлема и виновата та партия, которая до девяностых годов была и «рулевой», и «руководящей силой»?

Вот и теперь — намери и нажми в «инете» соответствующие строки кнопками клавиатуры ноутбука — и вот уже поражён десяткам, если не сотням сносок и ссылок: вот уж так обидели некую общность, ратовавшую за Пастернака, что и сказать нельзя. И какой же узел навязанных и незримых, но не разрешённых и по сей день противоречий (по сути — двух теперь разнонаправленных литератур). «Нобелевский лауреат — изгой», «Как советская власть давила Пастернака», «"Не читал, но осуждаю" — кампания по травле писателя Бориса Пастернака», «История травли Пастернака: два письма в "Правду"»... Не сосчитать таких статей, десятки, если не сотни. И всё про одно по сути (повторяю): «Скачи, враже, як пан каже!» — в научение и поучение всем, да так, что и в веках сей случай вроде бы уже и не забудется.

«Порка» сегодня уже не Пастернака, порка — осудивших Пастернака. И продолжается она не только в наказание писателей, высказавших своё мнение (а травили их и мстили им артистично

именно и более всего в яркие либеральные годы), и ясно даже теперь, что именно для-ради куража. Требование вернуть хотя бы и посмертно премию, хотя бы и по прошествии стольких лет. Несбыточная мечта? Тогда зачем, коли «пересмотреть итоги несправедливой приватизации — невозможно», продолжать педантизировать этот вопрос? Оговарюсь, что среди пишущих в сообществе именно литераторов и так давно замечено: едва ли не больше здесь недоброжелательства и взаимного памятозlobия, чем в среде актёрской, театральной и т. д. Давно сказано: «У поэтов есть такой обычай — в круг сходясь, оплёвывать друг друга» (см. стихотворение Бориса Ефремова, посвящённое, адресованное Дмитрию Кедрину). И ярость эта, похоже, проходит в духе известного вопрошания Окуджавы: «А одна ли у нас кровь?» Вот как пишет М.П. Лобанов (не кто-нибудь!) в упомянутой прежде книге «Твердыня духа», стр. 816-818: «Особенно в этой кровавой истерике отличился Окуджава. Он публично похвлялся, что испытывал великое наслаждение при виде расстрела (кровавые события 3-4 октября 1993 года. — В.К.)... Молодцы белорусы, они устроили обструкцию этому «демократу», когда он приехал в Минск. Окуджаву знают как гитариста, эстрадника, кто-то помнит его «Возьмёмся за

руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Как всегда, у этого барда — стишок серенький, но со смыслом. Понятно, кто эти друзья. Но, кроме песенок, имеются ещё у Окуджавы так называемые исторические повести. В моей книге «Страницы памятного» есть статья «История и её литературные варианты», где я разбираю эти опусы. Честно говоря, мне стоило героических усилий, чтобы одолеть такую графоманию. Безграмотный язык. Невежественные измышления о событиях русской истории XIX века. Везде одна и та же русофобская начинка. Вот русские войска несут в качестве знамён гулящую девку. Повторение одного и того же: «От пространств российских захватывало дух, рабов хватало»; «Беспредельная тупость патриотов». Ни одного нормально русского человека; все уроды, тупицы, доносчики, пьяницы. Если и есть порядочные герои, то это кто угодно — немец, поляк, француженка, грузин и т. д., только не русский. И какое-то маниакальное пристрастие к крови. В романе «Свидание с Бонапартом» «кровь», «чужая кровь», «затхлая кровь», «крашенная кровь», «Я вижу, как загорелись ваши глаза при слове "кровь"», «А одна ли у нас кровь?», «Нет слов, способных подняться выше крови» и т. д. Преследующая автора «кровь» — его тайное тайных. Она многое

объясняет в сочинениях, в поведении барда, в самом его отношении к «чужой крови» — при том же расстреле 4 октября. Реальное место Окуджавы в русской литературе таково, что не стоило бы и говорить о нём. Но дело в том, что эти «возьмёмся за руки, друзья» впереди своих колонн в качестве знамени, как ту гулящую девку, несут своего барда. В Переделкине уже открыт... «народный музей Окуджавы». На Трубной площади устраиваются шумные тусовки, здесь намечается ему поставить памятник. «Демпечать» уже объявила, что сие сооружение будет соперником установленного недалеко отсюда памятника Пушкину. Всё это напоминает известную тактику Израиля: поскорее застолбить захваченный кусок территории, а затем, путём всяческих проволочек, сделать захват необратимым. Торопятся приватизаторы. А главный из них — Чубайс — вместе с таким же государственным преступником Гайдаром объявили Окуджаву своим духовным вождём. На вечере памяти барда в начале июня сего года в Театре современной пьесы они вспоминали, как вместе с ним традиционно справляли старый Новый год. Поведали, что всегда при принятии важных для судеб страны решений думали, «что сказал бы об этом Булат Шалвович». Страшное

дело: на вершине власти в России оказалась компашка, для которой высший авторитет в государственных делах — литературный экстремист. Объяснить это можно только одним: «Нет слов, способных подняться выше крови». И это видно вообще в политике, в поведении нынешних правителей, которые действуют по вышеприведённому принципу: «А одна ли у нас кровь?» Неслучайно ни одного лица от официальных властей не было на похоронах Леонида Максимовича Леонова, патриарха русской литературы. Почти полное молчание прессы. Зато какой бум был поднят вокруг похорон того же Окуджавы, конференсье Брунова, «не понятого в этой стране» композитора Шнитке и т. д. В почётном карауле были первые персоны ельцинского режима — Чубайс, Черномырдин, Кириенко, с газетных страниц, с экрана телевизора не сходили заклинания об их гениальности. Простаки могли подумать, что русская культура обезглавлена и осиротела».

Действительно, мы помним похороны Леонида Леонова в августе 1994-го. Никак нельзя было сказать, что страна прощается с последним классиком отечественной литературы XX века. Помним и другие похороны, следовавшие вскоре, — большого русского кинорежиссёра и

актёра Сергея Бондарчука. Тоже полное игнорирование со стороны власти и прессы. Это очень показательно!

Радио «Свобода», например, то и дело и сегодня «проминается» по «делу Пастернака» (при той явной очевидности, что дело не в романе, не в сути и не в художественных принципах «Жизваго», дело даже не в фигурах подписантов «письма протеста», а в образе их мышления, неприемлемом для убеждённых «апрелевцев»-«прогрессистов» и воинствующих антисталинистов). Разве те же Лев Ошанин, Борис Полевой, Давид Заславский и многие другие не заслуживают доверия в оценке труда писателя? Отчего даже и Александр Твардовский, в те времена снискавший репутацию едва ли не «эталона объективности» в литературе того времени, — так тот, к примеру, и вовсе не явился на обсуждение романа «по существу», и не потому, что он острый и «социально-политический» будто бы, а, если вспомнить истинную причину неявки А.Т. (он напрочь отказался публиковать сей роман), похоже, произведение просто не заинтересовало Твардовского. Или и М. Шолохов, и С. Маршак, и И. Эренбург не умели оценить великое произведение, «конъюнктурно» мыслили? Вряд ли...

Критически отзывался фронтовик, автор «Василия Тёркина» именно как мастер, как главный

редактор и как критик, — авторитет его, полновесное слово в данном случае столь же не ангажировано, сколь и, несомненно, взвешенно. Объяснение причин обид на критиков по поводу своей прозы самого Б. Пастернака, возможно, и просто, и тривиально: он не осознавал вполне, что мировая антреприза в тяжелейшие для страны, в «оттепельные» те, хрущёвские, пробные «перестроечные» годы — для идеологической борьбы и во имя пропаганды либеральных и демократических «ценностей» — имела из возможных «средств» весьма скудную палитру необходимых приёмов воздействия на граждан Советского Союза. В том числе (и особенно даже) — средств именно материальных для продолжения идейной атаки на социализм, на «тоталитарное государство». «Агенты влияния», «получатели грантов», как теперь говорят, соединяя две фигуры в одну, от «Льва Давидовича Сороса», действовать в открытую были всё же не готовы. Между тем попытки продолжать расшатывание социалистического строя, всего национального и государственного, никто не отменял. Б. Пастернака использовали «втёмную». Это предположение подтверждает его стихотворение «Нобелевская премия».

Задачи «общемирового масштаба» решались вне его, Пастернака, согласия и намерений (предложение А. Камю на выдвижение

именно Пастернака на Нобелевскую — тоже не с ветру взято). Вот отчего именно тогда, в те ещё далёкие пятидесятые, когда невозможны были ни М.С. Горбачёв, ни А.Н. Яковлев, — была очень важна Нобелевская премия именно и только Пастернаку. (В один год с Б.Л.П. Нобелевскую вручили физикам: П. Черенкову, И. Франку, И. Тамму, — и ни у кого не возникало сомнений в такой оценке их труда).

В литературном труде прозаика и поэта «отчего-то» усомнились, принимая во внимание его весьма неоднозначный, щедро приправленный умными философическими и религиозного характера размышлениями авторский опыт, который тот вложил в уста своих героев. И всё же во многом рыхлый и безликий роман, сдобренный для веса несколькими хорошими стихами, не впечатлял и тогда, в 1958-м (как не впечатляет и теперь). Даже не касаясь некоторых выпадов главного героя-поэта Живаго (например, на подмостках, где он слушает, что случится на его веку, и одновременно призывает «Авва Отче», — но ведь это не в храме и не под небом высоким, а как-то напоказ и театрально), его образность и метафоры вообще весьма двусмысленны: «скрещенье рук, скрещенье ног...» — всё с той же экзальтированной, если не кощунственной, игрой на евангельских символах: постельное «скрещенье» — которое вовсе

не сопоставимо с символикой, принятой ортодоксами, и никакого отношения не должно иметь к крестному пути главного героя.

Не предполагала ли награда сама, её наполнение и немалые (на то время) финансы — решение многих вопросов материального характера отнюдь не автора, а некоего сообщества, причём наполнения вполне легального, — хотя бы всё той же «пятой колонны» в отнюдь не консервативную уже эпоху позднего СССР? Если бы этот приём-передача средств для негласных того времени НКО удался уже в то время, — не сомневаюсь, что лауреатов Нобелевской премии от СССР по литературе и впоследствии из тех же «иноагентов» было бы намного больше.

Нечего и объяснять, и так понятно, что премия была бы (уже в 1958 году) разделена в среде диссидентов и сочувствующих им именно так, «как надо» им, именно среди своих, и только своих. Планы диссидентской публики были раскрыты, расторгнуты уже тогда, в пору «хрущёвской оттепели», по позиции «либерал-демократической» интеллигенции был нанесён удар именно тогда, когда по причине глуповатой политики Хрущёва её, оппозиции, влияние значительно окрепло. (В сущности, «шестидесятые» и стали предтечей «перестройки»-революции конца восьмидесятых). И вдруг — такой провал хитрой «интеллигенции»:

финансовая подпитка не состоялась. Какое несчастье, какое «унижение» и, по сути, отчего: «роман-де самый безобидный». Наверное. Но не выполнен заказ мирового лобби, а главное — какой репутационный провал закопёрщиков мировой антрепризы! И кто же... Боже правый, — кто же смог помешать уже, казалось бы, состоявшемуся решению, когда всё было так умно спланировано, учтено и, что главное, оговорено с «мировой элитой». И вдруг пришлось признать, что «виноград зелен»... Какие-то «невнятные», смешные, странные (для закулисы) писателишки — восстали, как они могли, кто научил их (и прочее)?!

...Давление на Пастернака (которому, вполне вероятно, что и половины премии не досталось бы) — и от кого? От писательского сообщества? Да, и кого же задействовала советская власть? Надо всё же честно признать: писателей настоящих, крупных о ту пору было значительно больше, не в пример нынешнему времени (закономерный результат вполне состоявшейся «оттепели-перестройки»). Писатели, критики, даже и чиновничество вокруг Хрущёва словно предвидели, что случится, если подобные премии (от Сороса, Ротшильдов и проч.) — заказные — начнут резво проносить к нам. Они как бы предупреждали своим «противлением» передовой идеологии нынешних

апрелевцев, решительно «оттаявших» в пору горбачёвского пораженчества. И многим, если не всем, уже и в то время было заведомо ясно: кроме нескольких глубоких и талантливых страниц о голоде в волжской деревне, сожжённой дотла, кроме описания заговора-лечения больных коров, роман не состоялся. По самой сути своей он, повторим, слаб и немощен, зауряден. Теплохладен и по чувству, и по неверным, зыбким каким-то смыслам (цель его — приземлена. В чём она? Критика среднего звена чиновников — не бог весть какое «открытие» даже и по тем временам). Таким образом, получается, что заушавшие Пастернака и его роман, сами того не зная (и это необходимо понять), противостояли уже и в то время влиянию мировых элит на СССР, на Россию, на то культурное пространство страны, которое поддерживало и самобытность, и самодостаточность. И здесь (и это тоже необходимо принять во внимание) шла непримиримая борьба, отделялась литература от «голой» политики. И особенно теперь отчётливо прояснилось и многое другое. Борьба шла не за Б.Л.П., не за талант как таковой, а принципиально: за методы влияния на СССР из-за кордона и за утверждение одного из способов передавать в открытую и вдолгую (на будущее) деньги для «агентов влияния», чтобы

финансировать благополучие тех, кто работал на слом социалистической системы, на разгром великого государства. (Вполне осуществилось это, в открытую удалось повернуть нашим «партнёрам», и не только по линии финансирования от Сороса теперь). Удайся вся эта история с передачей денег, которые можно было бы легко и легально ввозить сначала в виде премий из-за кордона, а затем и по грантовой и прочей помощи «фонда Горбачёва» (как теперь и других подобного рода новообразований) и использовать средства для помощи диссидентствующим, пионерам «перестроек» в подготовке развала Союза, — беда случилась бы гораздо раньше. (Вспомнить опять-таки несметное количество премий в валюте «актуальному искусству», «историкам» невысокой компетенции типа Носовского и Фоменко, которые хлынули в Россию из-за рубежа в начале 90-х). Вот отчего действо А. Вознесенского по «восстановлению справедливости», принятие и доставка 9 декабря 1989 года диплома и медали Нобелевского лауреата, вручённых в Стокгольме сыну писателя Евгению Пастернаку, похожи на некую месть, вроде пляски (условно) на могиле СССР.

...У великого композитора Георгия Свиридова, который, быть может, как никто отменно знал подводные течения всякого рода

искусств и того, двадцатых годов, маяковско-пастернаковского восприятия, и «постперестроечного» времени, в его дневниках многое явлено. Знал он и причины лютой ненависти ко всем «подписантам»-писателям. И причины притяжения и возвеличивания упомянутого романа тоже есть в его дневниках и письмах (объяснение этому «феномену вечного непростения» отказникам романа «Доктор Живаго»). Как не согласиться с тем, что тяжело было в известное время Б.Л. Пастернаку, — да, конечно. Но разве ему одному? Вот судьба М.П. Лобанова — не пример ли двойных стандартов? Только тот, кто не имеет никакого отношения к литературе, не знает, как травили его, Лобанова. Не печатали годами. Ему, фронтовику, не давали жилья. Обструкция, ostracism по отношению к нему после публикаций его «Просвещённого мещанства», «Освобождения», других статей и книг едва ли не до последних дней его на этой земле не сравнимы и с пастернаковскими страстями.

«Твердыня духа», с. 857. Читаем: «Незабвенный Вадим Валерианович Кожинов как-то в ответ на мои сомнения в востребованности наших идей, нашего русского опыта в будущем, в новых поколениях сказал мне, что ничто не исчезает в историческом «бытии» (его привычное слово), не пропадает ни одно

духовное усилие, что всё имеет свои последствия. Оглядываясь сейчас на свой пройденный путь, вижу, что вся жизнь моя — сплошная борьба, начиная с участия в сражении на Курской дуге до сегодняшнего сопротивления новым оккупантам. Пожизненная моя борьба — что называется, на идеологическом фронте. Но должен сказать, что, борясь, я никогда не прибегал к языку политических намёков, пусть кто укажет хоть на один пример обратного. Я считаю, что надо бороться на духовном уровне, и я этому следовал и следую, ибо здесь корень зла, всех идеологических конфликтов. И наоборот, мои противники только тем и занимались, что обвиняли меня в политическом, мягко говоря, злонамерении. Чего стоят уже одни названия рецензий на мои работы: «Было ли "тёмное царство"?» (о моей книге «А.Н. Островский» в серии «ЖЗЛ»); «Освобождение от чего?» (о моей нашумевшей статье «Освобождение» в журнале «Волга», 1982, № 10). Ну, конечно же, по «расшифровке» автора рецензии, освобождение от всех социалистических основ, коллективизации, индустриализации, марксистско-ленинской идеологии, классовой борьбы, «завоеваний советской литературы» и т. д. Хотя у меня смысл этого слова (следовательно, и самой статьи) совершенно иной. На примере

романа М. Алексеева «Драчуны» (о голоде 1933 года в Поволжье) речь идёт о том, сколь необходимо для творчества освобождение писателя от внутренней несвободы: «Не решавшийся до сих пор говорить об этом, только дававший иногда выход сдавленному в памяти тридцать третьему году — упоминанием о нём, автор набрался наконец решимости освободиться от того, что десятилетиями точило душу, и выложить всё так, как это было». До «перестройки» в ходу были такие страшилки, как «антиисторизм», «внесоциальность», «внеклассовость» (помимо, конечно, «шовинизма», «славянофильства», «почвенничества»). С «перестройкой» в оборот запущен жупел покруче — русский фашизм. В журнале «Вопросы литературы» (№ 1, 2005) опубликована статья В. Твардовской «А.Г. Дементьев против "Молодой гвардии" (эпизод идейной борьбы 60-х годов)». Автор обращается к статье А. Дементьева почти сорокалетней давности «О традициях и новаторстве» (журнал «Новый мир», 1969, № 4) и пытается представить автора эдаким демократом — провидцем нынешней «фашистской опасности» в стране».

Священник Димитрий Дудко: «Я Лобанова давно уже заметил по его произведениям, они мне очень нравились, были удивительно духовны. Как он всё

хорошо понимал в безбожный период в нашей стране и безбожно обо всём говорил. Его статья «Освобождение» надела большой переполох. Лобанова наказали. Вот они герои, а всё выставляют кого-то, кто им и в подмётки не годится... Я почувствовал в Лобанове по духу сродное мне» (Д. Дудко. Шторм или пристань? М., 2001, с. 55-56). В. Бондаренко: «Величие замысла статьи и сейчас поражает... Быть Михаилом Лобановым — это звание повыше, чем быть Героем России» («Российский писатель», 2005, №№ 23-24, декабрь). Вл. Костров: «Она (статья «Освобождение») принадлежит к тем событиям в моей жизни, которые изменили очень многое во мне как в человеке... Я понял, что это — моё. Я оттуда вышел... Но на самом деле многие Ваши статьи определённым образом изменили в нашей стране взгляды огромного числа людей, значит, они изменили и нашу страну» («Российский писатель», 2005, №№ 23-24, декабрь). Ю. Архипов: «Забывать ли, с каким нетерпением взбирался на двадцать второй этаж высотного здания МГУ в аспирантскую свою пору, чтобы, отложив в сторону Музиля, о котором писал, и Гессе, которого переводил, полистать свежие журналы в тамошней библиотеке. С каким упоением — западник! — проглатывал, к примеру,

«Освобождение» Лобанова. За непомерным окном «сталинского» небоскрёба пуржит, а взвихренная мысль автора уносит в ту, в заснеженную бескрайность России» («Литературная Россия», 2010, № 26). В. Кожин в своей статье «"Позиция" и понимание» («Литературная Россия», 28 июля (№ 30), 1989) писал: «В "Литературной России" (№ 24, 1989) появилась информация о том, что саратовские писатели отменили своё давнее «решение», которое «осуждало» публикацию статьи Михаила Лобанова «Освобождение» в № 10 журнала «Волга» за 1982 год. В сущности, «решение» это отменено самой жизнью, и очень многие литераторы ныне ясно понимают, что та статья Михаила Лобанова — одно из самых важных духовных событий за двадцатилетие «застоя»... Читая семь лет назад статью Михаила Лобанова, я испытывал, помимо всего прочего, чувство великой радости оттого, что честь отечественной культуры спасена, что открыто звучит её полный смысл и бескомпромиссный голос — хотя, казалось бы, в тогдашних условиях это было невозможно...» (цит. по: Кожин В.В. Судьба России. М., 1990, с. 154). Ст. Лесневский писал в «Литературной газете» (27 января 1988 года): «У нас не прозвучало полного признания того, что мы совершили большую ошибку,

учинив разгром памятной статьи М. Лобанова в «Волге». Между тем сейчас, перечитывая статью, мы находим в ней немало справедливого, точного. Не должна возникнуть такая ситуация, когда одно направление пытается доказать власти, что противоположное направление является врагом нашего строя. Эта ситуация находится вне морали и вне культуры». Выступивший на VII съезде писателей РСФСР в декабре 1990 года В. Бондаренко говорил: «Но давайте не забывать, что это на российском секретариате громили не так давно наши уважаемые секретари Михаила Лобанова за его знаменитую статью. Мы хоть повинились перед ним? Нет... Я думаю, все называемые секретари, сидящие здесь, должны лично на съезде извиниться перед Михаилом Петровичем Лобановым» («Литературная Россия», 21 декабря 1990 года). Из всех названных секретарей извинился только один из них — руководитель СП РСФСР С. Михалков. В связи с этим в своём кратком слове на съезде (повторю ещё раз как НВ. — В.К.) М.П. сказал: «Я не думал выступать на съезде, но, видимо, будет невежливо, если я не скажу несколько слов по поводу одного выступления. Я имею в виду выступление Сергея Владимировича Михалкова. Здесь, на съезде, он принёс мне извинения за своё выступление на Секретариате Союза писателей РСФСР

в феврале 1983 года, когда после решения Секретариата ЦК КПСС подверглась разносу моя статья «Освобождение» в журнале «Волга». Мне хотелось бы услышать от Секретариата СП и извинения перед Николаем Егоровичем Палькиным, снятым тогда же с поста главного редактора «Волги» за публикацию моей статьи. Тем не менее извинения Сергея Владимировича — своеобразный аристократизм на фоне литературно-критического плебейства многих участников того судилища» («Литературная Россия», 28 декабря 1990 года). «В своём слове я счёл нужным сделать акцент на следующем. Характерно, что большинство громивших «Волгу» за мою статью — русские, полтора десятка секретарей СП, лауреатов. Альберт Беляев слушал их и потирал руки от удовольствия: вот русские дураки, — бьют своего, лежачего. Это не в диковинку. Этим методом пользовались, пользуются политики... Сейчас левые радикалы испытывают явное затруднение, растёт всё большее недоверие к ним, разваливающим страну, и потому они стремятся использовать русских, и те идут на это. Но это уже та проблема, которая требует особого разговора. В начале июня 2000 года по просьбе Михаила Николаевича Алексева я поехал с ним в Саратов по случаю вручения лауреатам премии его имени. Местные писатели

вспоминали ту давнюю историю с моей статьёй, расхваливали меня, дарили книги. Во время плавания на катере по Волге мой визави по застолью поднял меня (М.П. Лобанова. — *В.К.*) с места, подвёл к борту и, вспоминая то писательское собрание по поводу моей статьи, начал вдруг выкрикивать в мутном вдохновении: «Мы слабаки! Труссы! Подлецы!» Что мне оставалось делать, как не успокаивать...» и т. д. (Цит. по: Лобанов М.П. «Твердыня духа», с. 505-506).

И что, собирали залы для коллективного покаяния писателей перед Лобановым? Вовсе нет. И сам он никому не мстил. И это при том, что, как упомянуто в эпизодах из книги «Твердыня духа», Лобанова били именно за его борьбу и прямое сопротивление, а Пастернак (по крайней мере, в романе «Доктор Живаго») — это сплошь одни намёки, да и в широкошумных на протяжении более полувека ремарках, исследованиях о Пастернаке и его книге мы опять-таки имеем дело едва ли не с одними только политическими намёками. Знаменитый священник, он же писатель Дмитрий Дудко писал о том времени (60–70-е, нач. 80-х гг.): «Вот они герои, а всё выставляют кого-то, кто им и в подмётки не годится. Мучаются другие, а лавры пожинает кто-то, но забывают враги, что есть Промысл Божий, есть Грозный

Судия, по выражению Лермонтова: «Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: оно вам не поможет вновь» (Священник Дмитрий Дудко. Шторм или пристань? М., 2001).

И ещё: М.П. Лобанов высоко ценил «Тихий Дон» М. Шолохова, перечитывал эту величайшую книгу незадолго до ухода. Кто станет спорить, что роман «Тихий Дон» по всем координатам значительнее книги «Доктор Живаго»? Пожалуй, мало таких найдётся. Так вот, в 58-м Нобелевскую Пастернаку присуждают с... седьмой попытки. Его «вели» на премию с сороковых. М.А. Шолохов получил Нобелевскую только в 1965 году. Не было ли тут спора-смешения опять-таки позиций, и возможностей, и мнимого «веса» — с настоящим талантом, «русистом» Шолоховым? И не отсюда ли и ненависть Солженицына к Михаилу Александровичу (про зависть уже и не говорю, все попытки «развенчания» утверждают: зависть была).

Лобанов всю жизнь знал, в какую атаку он идёт, что воследует, — а тот же Б.Л.П. не был хотя бы посвящён в хитросплетения и вервия на диссидентском кнуте и, скорее всего, не согласился бы с предложенным хитрым планом по внедрению через него и через его писательскую судьбу, через его известность, — планов, иезуитски просчитан-

ных. План, тот, который продвигали, повторяю, и наверняка не открыли ему до конца представители мировой закулисы в СССР. По сути, писатель невольно стал пешкой в большой игре, хоть и выбран был именно он, и, конечно, неслучайно. Сотрудник итальянского радио Серджио Д'Анджело в 1957 году не всё раскрыл и растолковал автору. А каково было тем, другим, кроме упомянутого большого поэта, но неудавшегося прозаика (его не лишили помощи Литфонда (дачи), не лишали его публикаций и гонораров). А каково было тем же М.А. Булгакову и А.Т. Твардовскому. Ведь и К.Г. Паустовскому даже — и тому было нелегко, но почему об этом так мало известно? Вспомнить разве и М.М. Пришвина — которого свой же брат-писатель крепко недолюбливал — и не только за «потворство» власти, не только за его «Осудареву дорогу». И сам Г.В. Свиридов, а с ним и некоторые композиторы, писатели, поэты, художники — именно русского корневого и традиционного направления — они-то разве не большее право имели «не прощать» многого и многим, в частности и самим этим приверженцам-друзьям (часто, повторим, мнимым) пусть и талантливого поэта Б.Л. Пастернака?

Простил ли подобных деятелей-«прогрессистов» великий русский человек Г.В. Свиридов?

Простили ли и ещё многие и многие русские люди, в том числе и за поругание православных святынь, и за лукавое искажение истории великой России, которое состоялось в 90-х? Простили ли и мы сами поругание недругами корневых устоев и издревле хранимых традиций? Простили ли русские тем же прорвавшимся на крови к власти в феврале 1917-го либерально-керенского толка политикам, а затем и «кожаным курткам» несказанную печаль, боль, и скорбь, и большую кровь, пролитую в междоусобице? Прощены ли нами сбросившие с колокольни в Сергиевом Посаде главный колокол «Монарх», о котором так ярко и проникновенно рассказал М.М. Пришвин в «Дневниках»? А унижение всего русского, о котором так судорожно-откровенно кричал И.А. Бунин в «Окаянных днях», — простили? А то, что стало с В.В. Розановым, который так «трогательно» приветствовал «наступающее новое время» и так трагически угас, — его смерть мы простили? Он погиб от голода, разбитый вторым инсультом. Погиб даже и такой «изгибистый», умевший приспособиться ко всему человек, — и даже он и то ушёл не иначе, как от тоски-печали по прошлой, уходящей России, от болезней-переживаний, от унижений. Он, поверивший в перемены к лучшему, в тех же двадцатых и

замерзал в акведуке, разбитый параличом... О чём именно и как он думал в последние минуты жизни на сей счёт, на счёт «прощения и примирения»?

...Русские, кажется, простили с избытком осквернителям нашего национального достояния: и за С. Клычкова, и за С. Есенина, и за П. Орешина (список бесконечен). Простили за высланного И. Ильина, за А. Куприна, умиравшего от ностальгии, следствием которой стал инсульт, и за расстрелянного Н. Гумилёва, и за П. Сорокина с вынужденной его эмиграцией простили, и за многих-многих величайших русских. Простили за тех, которые выкинуты были из родной страны, не из страны проживания, а именно изгнаны за пределы Родины радикал-большевистской колонной,

построившейся «по-новому», на новый лад, а именно — под вкусы и нравы пришлых людей, прибывших в опечатанном вагоне, чуждого духа, полжизни проведших за границами... Прощаем и теперь. И вот с «перестройки-постперестройки» многое, если не всё, вновь оказалось в руках иных и по-иному, не по-русски мыслящих деятелей. Многое опять «под ними» и во власти их...

Так что же, лишь русские — только они и способны прощать, а русским никто и никогда не простит собственного мнения, собственных убеждений, веры, правды? Всё имеет пределы, даже сама планета Земля имеет границы, всепрощение же русское и терпение беспредельны?..

«Узел "Живаго"» необходимо развязать. Навсегда.